

Народная этимология: мотивационный аспект

Изучение механизмов номинации и мотивации является одной из традиционных и вместе с тем не устаревающих проблем языкознания. Сложность рассматриваемого феномена особенно ярко обнаруживается в свете новых парадигм знания, в частности, требующих соединения собственно лингвистических аспектов мотивационного анализа с когнитивным базисом изучаемого явления. При этом, как указывает Е. С. Кубрякова, явственно прослеживается преемственность когнитивного подхода «...от такой <его> ранней версии у нас в стране, как ономасиологическое направление»¹. В настоящее время постулируется необходимость выделения когнитивной ономасиологии как особой области исследования, в рамках которой «...интерпретация ономасиологической структуры, основанная на реконструкции и анализе мотивирующей дефиниции, словосочетания или словообразовательного толкования, оказывается недостаточной: ее реконструкция должна иметь когнитивную ориентацию...», т. е. «выявлять, на основе какой когнитивной структуры, каким способом и почему формируется» соответствующая номинативная структура². Ср.: «Мотивация опосредует связи объекта, его концепта, семантики обозначаемого с ономасиологической структурой как творческий познавательный процесс означивания путем модификации, трансформации уже существующих в памяти знаков»³.

На первый план при таком подходе к объяснению мотивированности знака выступает анализ ономасиологической структуры, или *ономасиологической пропозиции* (термин наш. – Т. Г.), определяющей характер интерпретации обозначаемого не только с учетом интенций и знаний самого номинатора, но и с учетом особенностей концептуализации определенного фрагмента действительности в языковой картине мира.

Таким образом, ономасиологическая пропозиция – это все содержание будущего наименования, включающее разные компоненты кон-

¹ Кубрякова Е. С. Вступительное слово к Круглому столу, посвященному рассмотрению традиционных проблем языкознания в новом свете // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания: (Мат-лы к Круглому столу, апрель 2000 г.). М., 2000. С. 9.

² Селиванова Е. А. Когнитивная ономасиология. Киев. 2000. С. 110.

³ Там же. С. 158.

цептосферы, связанной с определенной областью номинации. Ономасиологическая пропозиция определяет выбор мотиватора с учетом типизированных средств, способов и принципов номинации, репрезентативных для выражения определенного содержания.

В русле заявленной проблематики особый интерес представляет народная этимология (НЭ) – механизм языковой рефлексии (проявления языкового сознания), основанный на ремотивации («прояснении», «уточнении» внутренней формы) готовых знаков путем ассоциативного сближения и/или уподобления созвучных (генетически неродственных) единиц (лексем). Будучи вторичным мотивационным и/или номинативным актом, НЭ выступает как познавательный процесс выведения нового знания на основе уже имеющегося. Представляется, что когнитивный базис ремотивации состоит не только в актуализации значимых для говорящих компонентов лексического значения слова, но и в освоении свойств самого обозначаемого словом объекта (представлении об объекте, сложившемся в сознании говорящих как в процессе его познания, так и в процессе употребления соответствующего первичного названия в речевой практике). Эти эмпирические знания об обозначаемом составляют референциально-денотативное ядро ономасиологической пропозиции, формирующей когнитивный базис ремотивации (реноминации). Другим важным компонентом ономасиологической пропозиции является оценочный модус интерпретации базовой (исходной) когниции (значения, соотносительного с исходным словом или с псевдомотиватором). Ассоциативные наращения (коннотации и зона фоновых знаний, психологическая реальность значения для носителя языка) – еще один существенный фактор, формирующий когнитивный базис ремотивации.

В числе собственно языковых предпосылок ремотивации выступает фоносемантика знака (переосмысляемой языковой единицы) – звуковое сходство неродственных лексем, задающее направление поиска псевдомотиватора (доминирующая роль фоносемантического компонента узального слова при незнании денотата приводит к парадоксальной ремотивации; в случае рациональной и/или эмоционально-экспрессивной ремотивации фоносемантический компонент играет подчиненную роль, однако во многом стимулирует выбор именно такого, а не иного мотиватора из числа возможных)⁴. Срабатывает и фактор номинативной техники – ономасиологические модели, закрепленные в языке и используемые преимущественно в соответствующих сферах номинации.

⁴ О типах НЭ-мотивации см.: Грдина Т. А. Проблемы изучения народной этимологии. Свердловск, 1989.

Названные факторы в совокупности определяют характер ассоциативной актуализации мотивационных отношений лексических единиц в процессах НЭ.

С учетом компонентов ономаσιологической пропозиции можно выделить некоторые типологические модели НЭ-мотивации (ремотивации): 1) референциально-денотативную (эмпирическую); 2) фоносемантическую (формально-ассоциативную, образно-символическую); 3) экспрессивно-оценочную.

Рассмотрим реализацию этих моделей на материале диалектной речи, в которой НЭ выступает как механизм, сопряженный с проявлением ментальности диалектоносителя, с реализацией его номинативных интенций в практической деятельности и в сфере бытовых межличностных отношений.

1. Фоносемантическая модель ремотивации: основой для НЭ-прояснения ВФ слова выступает ассоциативная структура созвучного слова, экстраполируемая на свойства обозначаемого объекта (явления).

Например: *Гусенец*. Мелкий дождь. *Такой вот маленький дождик всё гусенес зовут* [Лютикова, 34]. Ср.: *Бусенец*. Мелкий моросящий дождь [АС 1, 101]; ср. также: «*Бус, бусенец*, арх., влг., пермск., сиб. Согласно Калиме [Kalima SLR, 44 и след.], заимств. из коми *bis* ‘пыль, порошок’, удм. *bis* ‘туман, пар’, которые считаются заимствованными из чув. *pus* ‘пар’ и т. п. или рассматриваются как заимствование из русского в язык коми» [Фасмер 1, 250]. Фонетическая мена *б / г* – характерный для говоров процесс звуковой субституции (ср. *бумага – гумага, бумазезя – гумазезя* и т. п.). Вариант *гусенец* (как фонетическая трансформация *бусенец*) формально соотносится с созвучными лексемами *гусь, гусиный*. Возможно, НЭ-актуализации подвергаются в данном случае фоновые оценочные коннотации, связанные с семантикой созвучного псевдомотиватора (ср. *гусиная кожа* – о коже, покрытой мелкими пупырышками; *гусиная походка* – передвижение мелкими семенящими шажками). НЭ-вариант содержит образный потенциал, связанный с ассоциативно-фоновым компонентом ономаσιологической пропозиции – лексемой *гусь* и сопутствующими ей коннотациями. Когнитивно значимым в содержании исходного слова оказывается дифференциальный признак «мелкий», получающий во ВФ образно-символическую (фоносемантическую) интерпретацию.

Изманежить. 2. Изнежить. *Изманежил ты свою жёнушку таким обхожденьём* [Лютикова, 61]. Ср.: *манежить* – от заимств. из франц. сущ. *манеж*, первоначально со значением ‘объезжать лошадь в манеже’; поскольку этот вид тренировки требовал больших усилий и главное – длительного времени, слово получило переносное значение ‘мучить

долгим ожиданием` [КрЭС. 254]. НЭ-сближение *изманежить* с *нежить* (*изнежить*) способствует развитию нового переносного значения у исходного глагола. Фоновый ассоциативно-образный компонент слова *манеж*, актуализированный сближением с формальным (созвучным) мотиватором – «место, средство содержания кого-л. в *тепличных* условиях», лежит в основе ономастиологической пропозиции «излишне заботиться о ком-л., излишне опекать кого-л.». Ср., например, *держат ребенка* (часто уже умеющего самостоятельно ходить) *в манеже*.

Формальная (фоносемантическая) модель мотивации слова или выражения может принимать характер НЭ-игры. Например: *Безо всякого Якова*. Просто. *Безо всякого Якова выдернула зуб* [Лютикова, 7]. Очевидно, в данном случае происходит НЭ-мотивация выражения *безо всякого Якова* «без долгих раздумий» на основе омофонического наложения местоимения и формы род. п. имени *Яков*. Ремотивация выявляет актуальность для диалектоносителя признака «без посторонней помощи», «самостоятельно» (ср. значение исходного выражения «без особых усилий», «без размышлений»).

2. Экспрессивно-оценочная модель ремотивации связана с актуализацией в составе ономастиологической пропозиции социально закрепленных или субъективных (личностных) коннотаций, сопровождающих употребление слова в речи и выражающих (акцентирующих) отношение номинатора к обозначаемому. В результате экспрессивно-оценочной ремотивации могут возникать номинативные варианты, «проясняющие» или дублирующие ВФ исходного слова в опоре на его значение с использованием более актуального для говорящих мотиватора (выражение одного и того же мотивировочного признака синонимичными средствами, различающимися экспрессивно-образной коннотацией). Особенностью этого вида НЭ-сближений является то, что они касаются не только слов с затемненной (утраченной), но и слов с понятной (прозрачной) внутренней формой.

Ср.: *Баламолка*, неодобр. – из *балаболка* [АС 1, 48] от *балаболить* ‘болтать’ звукоподражательного характера [Фасмер 1, 111] по сближению с *молоть* (ср. *молоть вздор*, *языком молоть*, *молотить языком*). НЭ-вариант *баламолка* дублирует исходный принцип номинации (характеристика человека по особенностям его речевого поведения), однако выбор мотиватора (поддержанный процессом диссимилиации) актуализирует иной «образ» обозначаемого и дополнительные оценочные коннотации (усиливается отрицательная характеристика содержательной стороны речи). Ср.: *Бабы между собой разругаются – всяко могут друг друга окрестить: и баламолкой и всяко; Баламолка она: треплет, ничё не понимает* [АС 1, 48].

В сознании носителя русского языка, и в особенности диалектоносителя, параметры внешнего звучания речи и ее содержания оценочно маркированы, о чем свидетельствует, в частности, не только НЭ-вариант *балаболка*, но и другие номинации, фиксирующие данное соотношение (например, *барахлить* 'дурачась, говорить чепуху, болтать вздор', *бармить* 'браниться, сквернословя' [АС 1, 52]; *колоколить* 'много и без пользы говорить' [Лютикова, 69], разг. *тарахтеть*, *тара-торить* и т. п.

Дурохвал, неодобр. О человеке, отличающемся болтливостью и хвастовством. *Хвалится бесполезно, вот и дуροхвал; Дурохвал! Много говорит!* [АС 1, 263]. Данный диалектизм соотносителей по значению с литер. *бахвал* 'хвастун', однако уточняющая НЭ-мотивация базируется на несколько иной ономаσιологической пропозиции, в которой акцентируется оценка невысоких интеллектуальных способностей и бесполезности «хвастливого, болтливого человека» через мотиваторы *дурной*, *дурак* (*дурохвал* – глупый человек, который много говорит о собственных достоинствах, возможностях, не подкрепляя слова делами). Ср. коннотации, сопряженные со значением прилагательного *дурной* и других производных от корня *-дур-* в говорах: *Дурные, неумные люди; Она дурная была, у её помешательство мозгов-то было* [АС 1, 263]; *дуреть* (из *дурить*) 'шуметь': *Не шуми! Что задурел?* [Там же]; *дурило*, общенар. бран. *Дурило такой!* [Там же] и т. п.

Экспрессивность характеристики обозначаемого в процессах ремотивации / реноминации часто связана со стремлением к образному выражению мотивировочного признака (ВФ НЭ-варианта выступает средством усиления образно-оценочной характеристики обозначаемого в соответствии с ракурсом, заданным ономаσιологической пропозицией).

Ср.: *Ветрохвост*, экспр. О легкомысленном, непостоянном в своих привязанностях и суждениях человеке. *Ветрохвост вилавит, хитрый, уж настоящий витрохвост* [АС 1, 123]. *Вострохвост*, экспр. О хитром, изворотливом человеке. *Он умеет обласкать, обжульничать тебя. Вострохвост он, не человек* [АС 1, 150]. Исходным номинативным вариантом является диал. *вертихвост*, экспр. 2. О мужчине, лицемерном и двуличном в своих суждениях и поступках. *А, дурак, дурной, вертохвос. В ту сторону, в другу бежит* [АС 1, 123]. Оценочно маркированным в составе ономаσιологической пропозиции оказывается компонент «легкомысленный, непостоянный», получающий экспрессивно-образную акцентировку в НЭ-«переработках»: *вертихвост* – *ветрохвост* (возможно, при поддержке метатезы и сближения с *ветер*; ср. *ветренный человек, ветер в голове, держать хвост по ветру*, ассоциативно соотносительные с базовым мотивирующим словосочетанием *вертеть хво-*

стом); *вострохвост* – номинативный вариант, акцентирующий признак «изворотливый»). О том, что все приведенные варианты являются мотивационно связанными, а не самостоятельными синонимическими номинациями, свидетельствует, на наш взгляд, фонетическое сходство первых частей сложения.

Касторить. Сильно ругать. *Касторили не худо его родители, а всё одно пьёт* [Лютикова, 67]. НЭ-мотивации и реноминации подвергается глагол *костерить* на основе сближения с *касторка*. В содержании оно-масиологической пропозиции «выражать крайнее неудовольствие кем-л., высказывая свое неодобрение в лицо собеседнику» экспрессивно-оценочный компонент актуализирован с помощью образно-символического мотиватора *касторка* ‘горькое, неприятное лекарство’. Ср. выражение *хуже касторки*. Экспрессивный компонент данной модели в еще большей степени выражен диалектным синонимом *катастрофить* [Лютикова, 67].

Обметелиться. Составить неправильное мнение о ком-л. *Каждой может обметелиться, в баского влюбятся, а он подлес* [Лютикова, 100]. Данный НЭ-вариант – возможно, результат ремотивации глагола *обмишулиться* (от *обмишулить* ‘обмануть, надуть’, пришедшего в литературный язык из диалектов. По всей видимости, является фонетической переделкой *обмекулить*, производного от *обмекуля*, в свою очередь образованного от *обмек* ‘ошибка в счете’, безаффиксного деривата от *обмекать* ‘обмануть или ошибочно обделить при расчете’ [КрЭС, 298]. Фасмер объясняет *обмишулиться* из *обмишениться*, что менее убедительно по семантическим и фонетическим основаниям [Фасмер 3, 104]. ВФ глагола *обметелиться* выступает в качестве актуализатора образно-символических ассоциаций, косвенно связанных с реализацией значения ‘совершить промах, обмануться, совершить ошибку’. Ср.: *метель* ‘сильный ветер со снегом’; *метель закружила, метель замела все дороги* и т. п. ситуативно ориентированные контексты употребления данной лексики. Ассоциативный смысл подобранного мотиватора реализуется на основе оно-масиологической пропозиции ‘обмануться в своих ожиданиях, подобно тому, как можно сбиться с пути во время метели». Не исключено, что глагол *обметелиться* появляется не как народно-этимологический, а как самостоятельный номинативный вариант к *обмишулиться*, наряду с *обмикититься* ‘сделать промах, попасть впросак’ [Лютикова, 100]. В последнем случае ВФ слова актуализирует оценочные коннотации, связанные с именем собственным (*Микита* – ‘простак’; тогда оно-масиологической пропозицией является содержание ‘попасть впросак, подобно Миките»). Вместе с тем явное фонетическое сходство, тиражирование словообразовательной модели и общность

значений при различии ВФ названных единиц может быть основанием для того, чтобы считать (по крайней мере, глагол *обметелиться*) фактом НЭ, «проясняющей» мотивированность наименования на основе образных, стимулированных созвучием ассоциаций. Данный пример можно рассматривать и в рамках фоносемантической модели НЭ-мотивации.

В ряде случаев экспрессивно-оценочная модель ремотивации может принимать антонимический (энантисемический) смысл, изменяя характерологический вектор значения слова на противоположный.

Ср.: *Агролом*. Плохой агроном. *Ничё не умеют эти агроломы, чё уж само вырастет, дак и ладно* (Камышл, с. Никольское). Экспрессивный вариант исходного *агроном* соотносится с мотиватором *ломать*, в данном случае актуализирующим значение «неумелый» специалист. Ср. контрастный оценочный вектор семантики слова *агроном*, отраженный переносным употреблением данной единицы в говорах: *На всё агроном*. О человеке, умеющем сноровисто выполнять любую работу. *Я ведь на все агроном* [АС 1, 39].

3. Референциально-денотативная модель ремотивации имеет «отобъектный» характер и ориентирована на уточнение референтной функции слова через его ВФ. Выбор вторичного мотиватора зависит от принципов, способов и даже типовых средств номинации, задающих в известной степени характер языковой «обработки», «упаковки» определенного содержания. В качестве мотивировочных признаков выбираются репрезентативные для соответствующей предметной области ономаσιологические ориентиры. Однако, в отличие от первичной номинации, поиск «рационального» объяснения связи названия и стоящего за ним содержания осложняется («управляется») созвучным ассоциатом (подобранным на основании случайного фонетического сходства). Это обстоятельство определяет часто ситуативную «привязку» ономаσιологической пропозиции, конкретизирующей когницию, стоящую за реинтерпретируемым словом.

Ср.: *Бережая*. Жеребая. *Славка бережет кобылу-ту, раз бережая* [Лютикова, 8]. Сближение *жеребая* с *беречь* (возможно, при поддержке / под влиянием метатезы) отражает ментальный стереотип, связанный с отношением к беременным. Ситуативная НЭ-мотивация выявляет, таким образом, этнокультурно значимый ономаσιологический ориентир.

Вертеленка. Вентилятор. *Забери вертеленку, я ее боюсь* [Лютикова, 14]. Словообразовательная адаптация заимствованного слова *вентилятор* сопровождается НЭ-сближением с *вертеть* (ремотивация актуализирует признак внешней характеристики обозначаемого – принцип

действия вентилятора). Косвенным образом здесь репрезентировано знание о функции прибора.

Меселка (из *весёлко* по сближению с *месить*). Лопаточка для замешивания теста (Камышл, д. Баранникова) – типичный пример мотивации по функции (*весёлко* для замешивания теста – *месёлка*). В названиях бытовых реалий (орудий труда, разного рода приспособлений) этот принцип доминирует, что обуславливает актуальность (репрезентативность) ономаσιологической пропозиции для характеристики (номинации) объектов данной предметной (понятийной, семантической) области.

Плоскозубцы. Плоскогубцы. *Тут надо плоскозубцами выдирать* [Лютикова, 117] – ремотивация на основе ономаσιологической пропозиции «инструмент, похожий по способу действия на сжимание зубов». Тот же принцип номинации использован и при создании слова-прототипа: *плоскозубцы* ‘инструмент для вытаскивания гвоздей при помощи захвата с двух сторон специальным приспособлением (как будто плотно сжатыми губами)’. Данный принцип номинации актуален для обозначения «вытягивающих, выдергивающих, захватывающих» инструментов, ср., например, *щипцы, зубцы, клещи, кусачки*. В основе названий подобного рода лежит стертый метафорический образ зооморфного или антропоморфного характера.

Голохвастик. Головастик. *Это лягушки. Голохвастики сначала, у них хвостики* [АС 1, 212]. НЭ-мотивация конкретизирует «образ» обозначаемого: ср. *головастик* ‘зародыш лягушки’ («с большой головой») и *голохвастик* – букв. зародыш лягушки «с большой головой и хвостиком». Произвольное вычленение в исходном слове сегмента, соотносительного с мотиватором *хвостик* на основе очень приблизительного фонетического сходства, свидетельствует об ориентации говорящего не столько на структурный облик исходного слова с прозрачной ВФ, сколько на актуальный для диалектоносителя признак внешней характеристики обозначаемого (знания о денотате).

Живалой. Сведущий, умудренный опытом. *С таким живалым мужиком Тоня не пропадет* [Лютикова, 45]. НЭ-реноминация изменяет внешний облик прилагательного *бывалый* на основе сближения с *жить* (ср. *жить-быть, жили-были*). Ономаσιологическая пропозиция выделяет в содержании обозначаемого признак «тот, кто знает ж и з н ь, имеет большой ж и з н е н н ы й опыт» (ср. метонимическую связь глаголов *жить-быть* как отражение одного из базовых отношений в структуре концептов «бытие», «существование», «жизнь»).

Затклой. Пахнущий гнилью. *Затыкаться*. Протухать, сгнивать. *Надо положить хлеб в деревянный ящик, он там не будет затыкаться*

[Лютикова, 56]. Этимологически данные лексемы родственны глаголу *дышать* (др.-рус. *задохлый* – букв. ‘задохнувшийся’, затем ‘испортившийся от недостатка воздуха’). Ср.: *Задышаться*. Портиться. *Вода под плотной крышкой будет задыхаться, ежги долго простоят* [Лютикова, 50]. НЭ-сближение с *затыкать* ‘закрывать’, *заткнутый* ‘закрытый’ отражает ситуацию порчи, загнивания продукта в закрытом, замкнутом пространстве.

Невменяемый. Невменяемый. *Я, как горел дом, невменяемая была* [Лютикова, 90]. НЭ-сближению подвергаются слова *внимать* ‘внимательно слушать’ и *невменяемый* ‘ничего не понимающий, не реагирующий ни на что’, родственное *вменить* ‘внушить что-л. кому-л.’. Актуализированным компонентом ономаσιологической пропозиции, лежащей в основе ремотивации, становится признак «неспособный внимать чему-л. из-за состояния крайнего потрясения». Денотативный компонент значения прилагательного *невменяемый* получает референциальную (ситуативную, уточняющую) привязку. Основанием ассоциирования является семантическая «смежность» глагола *внимать* и прилагательного *невменяемый* в ряду вербализованных концептов, характеризующих поведенческие интенции и эмоциональные состояния человека. Ср.: *невнимательный – рассеянный – невменяемый* и т. п.

Гарамкаться, экспр. С трудом подыматься в гору, на скалу и т. п., цепляясь руками и ногами. *Одва лезет, гарамкается* [АС 1, 201]. В данном случае экспрессивная лексема получает референтно-уточняющую ситуативную мотивацию путем НЭ-сближения с *гора* (судя по толкованию и контексту). Ср. словосочетание *карабкаться* в гору, выступающее как синтагматический стереотип и являющееся базовым вербализованным компонентом ономаσιологической пропозиции, лежащей в основе ситуативно уточняющей ремотивации.

Как видно из приведенных примеров, для диалектоносителя характерно уточнение ВФ наименования с использованием синонимичных средств выражения одного и того же признака. Ср.: *прищепка* наряду с *прищепка*; *рукотельник* наряду с *рукотерник* [Лютикова, 147]. Эту же тенденцию обнаруживает и НЭ-мотивация слов с затемненной ВФ. Ср.: *выкобениваться* и *выкобеливаться*, *выкобыливаться* [АС 1, 172]; *самохвалиться* вместо *бахвалиться*; *укатошить* вместо *укокошить*; *ярохориться* вместо *хорохориться* [Лютикова, 169] и т. п. Структурная ремотивация слов в говорах также подчиняется данному «правилу»: ср. *подходительный* вместо *обходительный*; *прозвоночник* вместо *позвоночник*; уму *непристижимо* вместо уму *непостижимо* [Лютикова, 123, 136, 95].

Таким образом, анализ ономаσιологической пропозиции позволяет судить, во-первых, о том, в какой мере в процессе НЭ-интерпретации

готового слова говорящий опирается на стандартные (ядерные, периферийные, ассоциативные) компоненты лексического значения, а в какой – на собственные, личностные знания (представления) об обозначаемом; во-вторых, выявить те когнитивные структуры, которые лежат в основе ремотивации и отражают типологически (концептуально) значимые предпочтения носителя языка (диалекта) в выражении определенного содержания («взгляда» на объект номинации, ракурса его видения); в-третьих, установить в рамках выделенных моделей НЭ-мотивации те прототипические черты, которые лежат в основе процессов первичного означивания и открывают «доступ» к исследованию мотивационного «механизма» в аспекте его концептуальной природы.

С. Ю. Дубровина
Тамбов

Народная этимология в лексике веры и церкви

В народном этимологизировании наиболее выразительно проявляются ассоциативно-деривационные отношения. В результате народной этимологии слово сохраняет свою словообразовательную соотнесенность с источником ассоциации, но «может подвергаться переосмыслению, а иногда и значительной семантической и формальной перестройке»⁵. Явление народной этимологии проявляется, в частности, при повседневном использовании христианской лексики.

Пример такой псевдоэтимологизации представляет история слова *мясопуст* в русском языке. Как известно, слово *carnevale* было калькировано из среднелатинского западными славянами: западная христианская традиция допускает употребление мяса во время периода, аналогичного русской Масленице. Проследив историю слова «мясопуст» у западных славян и русских (польск. *mięsopust*, чеш. *masopust*), Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев пришли к выводу, что «заимствуя данное слово со значением «Масленица», русские православные столкнулись с несоответствием внутренней формы и денотативной отнесенности: внутренняя форма указывала на дозволенность мяса, тогда как денотативная отнесенность предполагала период, в течение которого употребление мяса не позволялось. Неизбежно было переосмысление этого слова, причем переосмыслению могла подвергнуться денотативная отнесенность или внутренняя форма (и с нею сигнификативный компонент значения)»⁶. В итоге в русском языке была сохранена денотативная соотне-

⁵ Шмелев А. Д. Современный русский язык. Лексика: Учеб. пособие. М., 1977. С. 228.

⁶ Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. «Народная этимология»: морфонология и картина мира // Славянские этюды: Сб. к юбилею С. М. Толстой. М., 1999. С. 111.